

ДИЛЕНТАНТИЗМ В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АНОТАЦІЯ

Розглянуті історичні і сучасні прояви дилетантизму у філософії і науці. Викладені погляди на проблему Гегеля та О. І. Герцена. Виявлені сучасні форми дилетантизму в сучасній культурі, у тому числі як деструктивного явища, а також як умови та антитези філософського практицизму та форми популяризації філософських ідей.

Ключові слова: філософія, наука, дилетантизм, суб'єктивізм, догматизм, механіцизм.

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены исторические и современные проявления дилетантизма в философии и науке. Изложены взгляды на проблему Гегеля и А. И. Герцена. Выявлены современные формы дилетантизма. Раскрыта специфика дилетантизма в современной культуре, в том числе как деструктивного явления, а также как условия и антитезы философского практицизма и формы популяризации философских идей.

Ключевые слова: философия, наука, дилетантизм, субъективизм, догматизм, механицизм.

SUMMARY

The article examines the historical and contemporary manifestations of amateurism in science and philosophy. It also displays the views of Hegel and A. I. Herzen and identifies modern forms of amateurism. The work reveals amateurism in contemporary culture as a destructive phenomenon, which is regarded as the conditions and the antithesis of philosophical pragmatism and the form of popularization of philosophical ideas.

Keywords: philosophy, science, amateurism, subjectivism, dogmatism, reductionism.

По мере становления европейской науки как самостоятельной формы духовной жизни в период позднего Средневековья и Возрождения возрастало и сопротивление этому новому феномену, прежде всего со стороны католической церкви (суды инквизиции, преследование философов и ученых, таких как Д. Бруно, Г. Галилей). На что ученый мир реагировал не менее ожесточенно, но в основном в доступных формах: в сфере познания и мировоззрения. Наиболее радикальным ответом здесь был «научный атеизм», мировоззрение, отрицавшее существование бога как такового, а позже – и претензии церкви на вмешательство в общественную жизнь.

Постепенно научные открытия убеждали истинностью собственных открытий в противовес религиозным откровениям Священного писания и столпов церкви. К середине XIX века старые враги науки как бы ушли в тень, хотя и не исчезли вовсе. Но возникла новая опасность – растворение истин науки

в разного рода дилетантизме, опасность которого усиливалась оттого, что дилетанты прикидывались «друзьями науки», но вредили ей иной раз больше, чем откровенные противники.

Одним из первых об опасности дилетантизма для судеб науки и философии заговорил немецкий философ Гегель, отмечавший субъективизм как характерную черту людей нового времени, которые зачастую следуют решению, которое им подсказывает «их собственная сообразительность», они решения «черпают только из себя, субъективная воля кладет... предел всем доводам, выставляемым размышлением, и определяет себя к действию». А при наличии потребности в познании истины такой субъективизм ведет к догматизму, а от него – и к дилетантизму. Догматизм в философском смысле заключается в том, что «удерживаются односторонние рассудочные и исключаются противоположные определения. Это вообще строгое или-или, согласно

которому утверждают, например, что мир или конечен или бесконечен, но непременно лишь одно из этих двух. Истинное, спекулятивное есть, напротив, как раз то, что не имеет в себе таких односторонних определений и не исчерпывается ими, а как тотальность совмещает в себе те определения, которые догматизм признает в их раздельности» [4, с. 139].

Так воспринимает мир в его понятиях мышление дилетанта. «Борьба разума состоит в том, чтобы преодолеть то, что фиксировано рассудком» [Там же, с. 140]. Чтобы жизнь, практика не увела науку (а с ней и философию) в стан дилетантизма, Гегель и пишет свою «Энциклопедию философских наук», включавшую «Науку логики», «Философию природы» и «Философию духа», которая при всех упованиях автора не выполнила задачу создания единой и целостной системы науки. Однако размышления Гегеля привлекли к себе внимание философской и общественной мысли. Одним из тех, кто подхватил дух, а иногда и букву гегелевской философии и пафос борьбы против дилетантизма, был молодой российский писатель, публицист, философ А. И. Герцен (1818–1870). Возвратившись из ссылки, в 1842–43 годах он пишет четыре статьи, объединенных общим заголовком «Дилетантизм в науке» и публикует их в журнале «Отечественные записки» [5, с. 12–90].

Об основной задаче, которую ставил перед собой автор, он пишет в дневнике той поры: «...Хочется написать пропедевтическое слово желающим приняться за философию, но сбивающимся в цели, праве, средстве науки. По дороге тут следует указать весь вред добрых людей, любящих пофилософствовать. Враги науки не так опасны, как все полупиэтисты, полу-рационалисты» [Там же, с. 294].

Современную ему эпоху А. Герцен характеризует как переходную, в результате чего происходит становление научного мировоззрения. При этом «старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены, но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообещающие и великие, не успели еще принести плоды... Множество людей остались без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки» [Там же, с. 13].

Набравшая силу наука провозгласила примирение в сфере мышления. Но жаждав-

шие этого раскололись: «одни не верят науке, не хотят ею заняться, не хотят знать, почему они так говорят, не хотят идти ее трудным путем». Другие нашли внешнее примирение и ответы на беспокоящие их вопросы, при этом усваивая букву науки и не касаясь ее живого духа [Там же, с. 12, 13].

Но они поверхностны, все им в науке кажется ужасно легким, они не видят проблем и ответы ищут в своих «священных книгах». Их Герцен называет философами–мохаммеданами (то есть, последователями пророка Мохаммеда) [Там же, с. 13] за их догматизм.

К числу дилетантов относятся также «истые поклонники позитивизма», потерявшие дух за подробностями, «остающиеся при рассудочных теориях и аналитических трупоразъятиях» [Там же, с. 14].

Кроме них, к дилетантам автор относит и тех, кто вообразил, что наука легка, что стоит захотеть знать – и знаешь. Но наука им не далась, за это они и рассердились на нее. Они не вынесли с собою ни укрепленных дарований, ни постоянного труда, ни желания чем бы то ни было пожертвовать для истины [Там же, с. 15].

Возле дилетантов доживают свой век романтики – «эти запоздалые представители прошедшего, глубоко скорбящие об умершем мире». Они не хотят иметь дела с новым иначе как с копьем в руке. Верные преданию средних веков романтики похожи на Дон Кихота и скорбят о глубоком падении людей, завернувшись в одеяло печали и отчаяния. «Они готовы признать науку, но требуют, чтобы наука признала за абсолютное, что Дульцинея Тобосская – первая красавица» [Там же]. То есть, чтобы наука признала как реально существующие их романтические фантазии.

Дилетанты не понимают науку, потому что подходят к ней «замысловато», «с задними мыслями», испытывая ее, предъявляя ей свои требования, не жертвуя при этом ничем. В результате наука остается для дилетантов «бессмысленным формализмом, логической головоломкой, не заключающей в себе никакой сущности» [Там же, с. 17].

В своем достаточно обширном труде А. Герцен подробно рассматривает черты и особенности дилетантизма, среди которых поверхностность и субъективизм, а также механицизм, вера, а не знание, разделение природы и знания о ней, мышления и чув-

ства, как инструментов познания и ряд других. Здесь рассматриваются также недостатки, присущие самим ученым – «цеховая профессионализация», формализм, сложность языка науки и пр.

Прошло более 170 лет после написания А. И. Герценом цикла статей против дилетантизма. С тех пор миновали целая эпоха, обозначенная в том числе как эпоха научного и технико-технологического прогресса. Ряд положений критики дилетантизма в современных условиях устарело, видоизменились и сам дилетантизм и обстоятельства, ему сопутствующие или противодействующие. Но осталась востребованной и актуальной необходимостью преодоления дилетантизма.

По сравнению с XIX веком неизмеримо возрос уровень образования масс, о которых А. Герцен писал, что им недоступна теоретическая философия [Там же, с. 13]. Кроме того, и сама философия приблизилась к массам, признав право на существование наряду с теоретической и практической философией, а также мировоззренческую значимость здравого смысла и обыденного уровня сознания людей. Но удивительно – с возрастанием уровня образования масс разросся и дилетантизм.

Например, появление Интернета, Википедии и других информационных ресурсов – это несомненное благо, революция в информационном обеспечении потребностей индивида и общества. Но и здесь «научное поле» зарастает бурьянами, плодя недостоверную, а то и лживую информацию, которая с невероятной скоростью разносится средствами массовой информации. И все попытки (правда, бессистемные и спорадические) бороться с этим «виртуальным мусором» пока безуспешны.

Одним из источников дилетантизма А. Герцен называл интерес, который толкает многих к занятию наукой. Интерес не исчез, но он видоизменился. Еще в том, бывшем более четверти века назад прошлом, от которого ныне стремятся избавиться так, будто его и не было, занятие наукой обуславливалось больше интересом к содержанию научной деятельности, ну, и разумеется ее престижностью и материальной заинтересованностью. Сегодня приоритеты не те: бал правит интерес к форме, к мундиру науки. Сюда толпой ринулись соискатели степеней и званий из числа

политиков, олигархов, других желающих. Ведь нынче за деньги можно купить не только диплом о высшем образовании (а у многих их по два–три в кармане), но и кандидатские и докторские диссертации, почетные звания. Вполне легально действуют фирмы, предлагающие «под ключ» изготовить за соответствующую плату любой текст – от студенческих рефератов и выше.

Казалось бы, большой беды в этом нет: «Чем бы они не тешились...». Глядишь, из некоторых могут получиться неплохие лекторы и специалисты, как это было, когда в науку зачастили отставные партийные, комсомольские, реже – профсоюзные чиновники, которые готовили диссертации в высших партийных, комсомольских и профсоюзных школах под опекой «дядек» – профессионалов, обязанных по окончании пребывания подопечного в этой школе отчитаться об успешной подготовке диссертации.

Кстати, и профессиональный статус рядовых обществоведов поддерживался, правда, не заграничными командировками, но обязательным полугодовым пребыванием в Институтах повышения квалификации, которые имелись при ведущих университетских центрах при сносном материальном обеспечении. Сегодня же «повышение квалификации» превратилось в пустую формальность и проходит скорее на бумаге. Но беда в том, что этот вид коррупции проник в стены высшей школы, где изготовление «научных трудов» «под заказ» становится вполне доходным делом. А главное, что этот «бизнес» не встречает отпора со стороны тех, кто добивался всего своим трудом. Как следствие нашествия дилетантов в науку изобретаются хитроумные способы плагиата, присвоение чужих идей и прочее. Особенно легко распространяются такие явления в сфере социально-гуманитарных наук и философии.

А. И. Герцен писал по этому поводу, что философия по сравнению с конкретными науками находится в беззащитном положении: ее «не охраняют ни формулы, ни частоколы, возводимые специальными науками около своих огородов» [Там же, с. 18]. Чрезвычайная всеобъемлемость делает философию уязвимой извне. «Чем всеобъемлемее мысль и чем более она держится на всеобщности, тем легче она для поверхностного разума, потому

что частности содержания не развиты в ней и их не подозревают» [Там же, с. 18].

В философии, отмечает А. Герцен, как в море «нет ни льда, ни хрустала, все движется, течет, живет, под каждой точкой одинаковая глубина, в ней, как в горне, расплавляется все твердое, окаменелое, попавшее в ее безначальный и бесконечный круговорот, и, как в море, поверхность гладка, спокойна, светла, беспредельна и отражает небо» [Там же, с. 18].

Оттого дилетанты «подходят храбро, без страха истины», без движения к преемственному труду человечества, работавшего около трех тысяч лет, чтобы дойти до настоящего развития. Они «скользят с пренебрежением по началу, полагая, что знают его, не спрашивают, что такое наука и что она должна дать, а требуют, чтобы она дала им то, что им вздумается спросить... Их темное предчувствие говорит, что философия должна разрешить все, примирить, успокоить, в силу этого от нее требуют доказательств на свои убеждения, на всякие гипотезы, утешения в неудачах и бог весть чего еще требуют» [Там же, с. 19].

Дилетантов поражает и удаленный от пафоса и личностей характер науки, они удивлены, обмануты в ожиданиях. Их заставляют трудиться там, где они искали отдыха, и трудиться в самом деле. Наука в результате перестает им нравиться, и они берут отдельные результаты, не имеющие никакого смысла в той форме, в которой они берут, привязывают их к позорному столбу и бичуют в них науку [Там же, с. 19].

Отмеченный выше субъективизм дилетантов особенно процветает именно в отношении философии и эстетики, ибо для них безусловно, что у каждого – своя философия и свой вкус. Но это значит не что иное, как отрицать философию и эстетику. Дух для человека заключается в том, что тот понимает насколько понимает. Нет понимания – и дух для индивида не существует, но не для человечества.

Беда в том, что к философии дилетанты приступают со своей «маленькой» философией, основывающейся на обыденном опыте, на рассудочном мышлении. И здесь удовлетворяются все мечты, все прихоти воображения.

Дилетанты не в состоянии понять, что в философии и науке важным критерием истинности выступает суд разума, а не чувств, и ищут его именно в чувственной сфере, больше

всего доверяя своим переживаниям. Приступая к философии, они хотят знать все наперед, разрешить все трудные вопросы, получить в готовом виде все определения. При этом все эти ответы и определения должны быть краткими и ясными, чтобы все содержание философии было дано в нескольких сентенциях и чтобы это была «легкая наука» [Там же, с. 21].

Таковы негативные последствия теоретичности философии. Другие науки в этом смысле гораздо счастливее: у них есть предмет, «непроницаемый в пространстве и сущий во времени». Природа – это царство видимого закона [Там же, с. 20]. Здесь редко услышишь такие вопросы: «страх показаться невеждой держит в узде». В философии другое дело: «тут никто не церемонится. Предметы все знакомые – ум, разум, идея и прочее. У всякого есть палата ума, разума, и не одна, а много идей» [Там же, с. 21].

Более отважные дилетанты, по мнению Герцена, идут далее – они задают вопросы, на которые решительно нечего сказать, потому что вопрос заключает в себе нелепость. Ведь для того, чтобы задать дельный вопрос, надобно быть сколько-нибудь знакомым с предметом, обладать «предугадывающей проницательностью» [Там же, с. 22].

В современных условиях дилетантизм в науке по-прежнему процветает, хотя и несколько в иных формах. Если во времена А. Герцена речь, скорее, шла об издержках становления и распространения влияния научного знания, в результате чего и возникал дилетантизм, то сегодня мы сталкиваемся с ситуацией избыточности научного знания, что способствует распространению прежде всего лженаучных знаний, маскирующихся под науку. Если «алхимия, астрология и всякие оккультные изыскания всегда претендовали на истинность, на постижение, на особое постижение реальности. Поэтому они отстаивали свое существование либо рядом с наукой (как особая или альтернативная наука) либо даже в качестве более глубокого знания» [9, с. 3].

Сегодня ситуация в этом смысле мало изменилась: различные мистические и оккультные учения продолжают иметь влияние в обществе, особенно в кризисные периоды.

Но в результате «постмодернистской чувствительности» – теряется принципиаль-

ное различие между знанием и незнанием, между истиной и ложью, между наукой, не наукой и псевдонаукой. Наука, ее истинность размывается. А то, что традиционно называлось наукой, – оказывается одной из сфер профессиональной деятельности, которая имеет определенное прикладное значение в создании возможностей для проектирования новых технических систем, но претензии которой на обладание истиной не имеют оснований. В таком случае, отмечает В. А. Лекторский, «и наука, и астрология, и хиромантия, и оккультные изыскания рассматриваются как равноправные элементы конструирования культурной реальности, в которой они существует наряду с шоу-бизнесом и другими способами зарабатывания денег» [9, с. 4].

Часто масла в огонь подливают и сами ученые. В условиях коммерциализации науки, нехватки финансирования фундаментальных исследований, они обещают сенсационные достижения в результате наличия достаточных денежных средств на их разработку.

Кроме того, сегодня «исчезает пафос поиска истины а торжествует игровое» отношение к жизни. Но гораздо легче «играть в разного рода псевдонаучные игры» [Там же].

Что касается философии, то здесь ситуация еще более запутанная и противоречивая. В силу своего предмета, содержания, уровня обобщения эмпирических фактов философия всегда стремилась оторваться от повседневности, ускользнуть в высоты абстрактного теоретизирования. Ответом на это были многочисленные попытки приблизить философскую мысль к практике, жизни. В недавнем прошлом вопрос о практичности философии решался просто — она являлась частью господствующей моноидеологии, и как таковая просто была обязана обслуживать практические потребности общества. Например, каждый, кто претендовал на место в профессиональной иерархии, должен был не только разработать некий минимум теоретических положений, но и внедрить их в практику. Впрочем, в этом была своя логика: поскольку философия определялась как наука, постольку ее «она-учивание» и могло осуществляться путем такого внедрения. Однако, как известно, философия опосредованно связана с практикой, по иному, нежели наука. Это хорошо видно при характеристике взаимосоотношения

профессионализма и дилетантизма в философии и в науке.

Чтобы успешно справляться с ролью квинтэссенции культуры, философия обязана не только обобщать существующие тенденции в последней и продуцировать на этой основе новые идеи, но и обладать каналами обратного влияния на культуру. Упорядочение околофилософского пространства может осуществляться различными способами, в том числе благодаря деятельности философствующих дилетантов, способных к восприятию философских идей, имеющих вкус к рефлексии.

Философия редко развивалась исключительно в рамках профессиональной деятельности и имена философов-профессионалов, за исключением отдельных эпох, мало что говорили рядовому обывателю. Обычно философские идеи пропагандировали, внедряли в культуру писатели, педагоги, политики, религиозные деятели.

В философии, как и в науке, профессионализм также неоднороден: здесь есть свои генераторы идей, систематизаторы, комментаторы, популяризаторы. Не хватает разве что экспериментаторов. Но в философии значение, например, популяризаторов большее, чем в науке, и круг их значительно шире.

Каждый человек – сам себе философ, но не каждый – сам себе ученый. Для нормальной жизнедеятельности большинству людей достаточно обыденных знаний о многих явлениях действительности, что не мешает им пользоваться плодами развития научной и технической мысли как бы автоматически. Включая телевизор или компьютер, каждый из нас, как их пользователь или зритель, не задумывается о том, как электромагнитный сигнал преобразуется в картинку.

С философией дело обстоит иначе. Наличие ее обыденного уровня и размытость предметно-содержательных границ стимулирует стремление дилетантов приобщиться к философской мысли, дать ей жизнь в смежных формах духовности (в литературе, искусстве).

Таким образом, дилетантизм выступает как необходимая (и неизбежная) форма связи профессионального философствования и массового сознания, как средство поддержания доверия к философии, как практически значимому духовному феномену. Нет нужды

каждый раз напоминать о философском значении классической русской литературы (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.) или западного философского романа (Т. Манн, Г. Гессе и др.). Вместе с тем, в отношении к философии заложены противоречия, проявляющиеся в том, что, с одной стороны, существует иллюзия легкости продуцирования философских идей, с другой, — незнание порождает раздражение, недовольство абстрактностью философской мысли, стремление подвести ее под стереотипы здравого смысла. Отсутствие знаний может восполняться домыслами, мифологемами.

Подобные отклонения легко локализируются, а противоречия разрешаются в периоды стабильного развития духовной жизни общества. Иное дело в переломные времена, когда значительно возрастает роль иррациональных начал в культуре, распространяются оккультизм и мистика. Именно такой период переживает наше общество, который российский исследователь А. Чучин-Русов метко назвал эпохой «апокалипсиса под наркозом» [13]. Можно также сослаться на мнение канадского физика К. Сагана, который примерно то же говорил относительно культуры Запада в целом [14].

Эти тенденции характерны не только для современной культуры в целом, они проникают в ткань самой философии, порождая причудливые сочетания философских по форме и мистифицированных, мифологизированных по сути идей, теорий, образов, а также, способствуя воспроизводству старых и новых форм дилетантизма [7; 8; 12]. К последним относятся и постмодернистские попытки деконструкции текстов и смыслов, нередко превращающиеся из средства творческого развития философии в ее разрушение. Например, в «Манифесте исторического маньеризма» С. Экштут дает свой вариант предотвращения «недуга бытия» и восстановления «вывихнутого сустава времени», призывая отказаться от рациональных средств достижения истины и всецело полагаться на воображение и интуицию, мистическое видение мира [11].

На двух страницах текста автор подвергает пересмотру устоявшиеся каноны научных исследований в области истории и других гуманитарных наук, такие как объективность, достоверность и истинность, доказательность.

Он предрекает возвращение к рубежу XVI–XVII вв. (т. е. в средневековье), когда «тяга к потустороннему и неземному... потеснит гуманистический оптимизм... Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого» и «субъективная основа творчества властно заявит о себе», а «изучение объекта исследования станет диктоваться внутренним чувством мастера и подчиняться ему» [11, с. 180]. «Творец будущего станет искать адекватные средства выразить свою озабоченность, растерянность и отчаяние перед лицом этого мира» [Там же]. Среди особенностей «науки будущего» – отказ от строгого детерминизма и закономерностей, господство случайности, отсутствие строгой логики (настанет господство «эластичной логики»). При этом монография «утратит былую важность», а «рецензия, аннотация, тезисы, реферат и главное – эссе будут повышены в чине и выйдут из тьмы некоторого пренебрежения».

Это можно было бы рассматривать как розыгрыш, как «прикол», если бы не высказывалось совершенно серьезным тоном, и, главное, если бы не имело последователей.

Совершенно справедливо «манифест» С. Экштута А. Х. Горфункель называет «манифестом торжествующего дилетантизма» [6, с. 133–134]. К сожалению, приходится констатировать, что такого рода «играми» заняты не только «шуты гороховые» с подходящими фамилиями, но и представители цеха ученых, стимулированные не относящимися к науке и философии побуждениями.

Сегодняшняя ситуация в философии напоминает ту, что имела место в поэзии и изобразительном искусстве начала XX века, когда экспериментаторству подверглись слово и художественный образ, форма и содержание произведений. Но это была пора формотворческих игр профессионалов, породивших В. Маяковского и П. Элюара, М. Шагала, П. Пикассо.

В нашем же случае речь идет о слиянии разных по содержанию, но одинаково разрушительных для рациональной философии тенденций. Пока профессионалы ведут «игру в бисер», понемногу балуясь постмодернистской деконструкцией, рационализированным мистицизмом, специфически понятой и усвоенной восточной мудростью, новые дилетанты оккупируют гносеологическое пространство философии

и ведут себя дос–таточно агрессивно. На поверхность духовного бытия поднялись наряду с изобретателями философ–ского «вечного двигателя» [См. 8], которых и ранее было немало, философствующие магнаты [3], а также оракулы «нового сознания», пара–зитирующие на диалоге между философскими системами Запада и Востока, наукой и религией, знанием и верой [12].

Как правило, сами эти авторы нередко кажутся достаточно неординарными, ищущими личностями, общительными и экспрессивными. Но, к сожалению, мысли, ими продуцируемые, почти всегда являются перепевами услышанного или прочитанного, излагаемые по законам логики, ведомой только рассудку самого автора. Это часто игра со словом, веду–щая к созданию новых комбинаций известных идей при опоре на фанта–зию автора, а не на рефлексию. Спутником такого псевдофилософствования являются эклектика и догматизм. Здесь воспроизводится логика догматического сознания: в виде аксиом берутся ряд положений, являю–щихся предметом веры автора, над которыми надстраиваются самые раз–ные факты и аргументы – от научных до псевдонаучных.

В результате рождаются оракульского рода тексты, отличающиеся субъективизмом, закрытостью для окружающих. Новомногих случаях происходит поглощение реалистического философского знания мисти–ческим откровением и фантастическими конструкциями.

Таким образом, с одной стороны, интерес к философии со стороны непрофессионалов – та питательная среда, благодаря которой последняя функционирует как активное ядро культуры, с другой, – наступление дилетантизма в переходные эпохи представляет собой серьезную угрозу для существования философии как таковой. В этих условиях диалог между профессионалами и дилетантами особенно необходим, невзирая на объективные и субъективные трудности его ведения. Но этот диалог должен предполагать «сохранение лица» профессиональной фило–софии, отстаивание принципиальных позиций, а также охват рефлексией новых явлений и проблем культурной эволюции общества, в том чис–ле и тех, на которых паразитируют дилетанты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 13–25.
2. Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С. 3–18.
3. Благотворительный фонд защиты и поддержки авторов интеллектуальной собственности им. Н. А. Куцина. Аннотационный сборник работ, представленных на конкурсы. 1995–1998 гг. – Х., 1999. – 149 с.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
5. Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Избранные философские произведения. В 2-х т. – Т. 1. – М.: ОГИЗ. Госуд. изд-во полит. литературы, 1948. – 392 с.
6. Горфункель А. Х. Манифест торжествующего дилетантизма // Вопросы философии. – 1998. – №10. – С. 133–134.
7. Мамаева Т. Непознанная экономика будущего. – Х., 1998.
8. Познахирев В. С. Образование и рынок (мнение потребителя) // Удосконалення концепції приватної освіти в Україні та проблема організації науково-дослідної роботи в приватних вузах. Тези всеукраїнської науково-практичної конференції. – Х.: ХГІ НУА, 1995. – С. 44–48.
9. Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола»). Выступили В. А. Лекторский, А. Ф. Зотов, В. Н. Порус, А. П. Огурцов, И. Т. Касавин, Д. М. Фельдман, Б. И. Пружинин, С. С. Гусев // Вопросы философии. – 2001. – №6. – С. 3–31.
10. Семченко В. Н. Очередные сумерки Миневры (Ответ «историософскому маньеристу») // Вопросы философии. – 1998. – №10. – С. 134–135.
11. Экштут С. А. Манифест исторического маньеризма // Вопросы философии. – 1998. – №1. – С. 180–181.
12. Чернышева Е. Мера вечности. – Х.: Крок, 1996. – 288 с.
13. Чучин-Русов А. Е. Но–вый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика // Вопросы философии. – 1999. – №4. – С. 24–41.
14. Sagan C. The Dragons of Egen. – N. Y., 1977. – P. 247.